

Юлия Шokol – открытие миновавшего зимнего интернет-конкурса «Эмигрантская лира». Она уже засветилась и на других конкурсах, имеет публикации в украинской периодике, теперь вот дебютирует в европейском журнале. Молодость автора в этом случае – сильный аргумент, предполагающий внушительную перспективу развития её дарования. Уже сегодня явлен поэтический характер Шokol, её жест, её способ поэтического мышления. В добрый путь!

Д. Ч.

гомериада

проиграли в холодно-горячо,
и мороз нас намертво перечёл,
словно список кора...
но где же твоя кора,
древесина, раздетая до нутра?

шпалы-рельсы... сколько себе не вейся,
это тело воды, о братья мои ахейцы-
короеды,
ковчег нам и до утра не съесть,
потому что гомеру явилась благая весть.

так из штаммов вывели мандельштама:
золотистая спинка
и воздуха на прощанье
вороватый профиль мелькнёт – и всё,
у судьбы гомерического лицо.

так елене елеем мазать ладони клёна,
так и мне выкликать поимённо
к изголовью тех, кому – ни имён уже, ни голов,
а товарищ гомер отвечает «всегда готов»,

потому что троя, как одеколон, троится,
потому что зренье – слепая ночная птица –
накрывает мир, что покорно лежит распят
от груди до самых ахиллесовых пят.

голод-о-море

вот я качаюсь с пятки на носок,
вот колосок себя в руках несёт –
с таким лицом, упругим, словно шаг,
с такой беззвучной музыкой в ушах,
что в переводе горький земляной
немеет и немотствует –
не мой
уже давно – ни хлеба и ни зре-
хлебнувши горя, не успев созреть,
несёт себя – и голод говорит

внутри него, сжигает словари
не ожогова – жажды и огня –
из слов,
рождённых
впереди меня
и сложенных в пустой земной живот,
откуда прорастает и живёт
не колосок, себя несущий, как
огромный полыхающий маяк,
но человек, страданию сродни,
из корневого света
и крови –
всего, что не случилось не с тобой,
не в этой жизни,
ни в какой другой.

крестоносец

и кто-то шёл, разбитый на шаги,
и дождь стоял на мостике – прогиб
и але-оп в текущем позвоночнике.
а человек прошёл,
потом закончился.

и вместе с ним закончилась вода,
такая мокроносая, ни дать
ни взять – простуда и волнение.
ковчег качается
вовне,
во мне ли он?

и в ливневом, огромном и чужом,
себя обжив, изжить, скользнуть ужом,
какая жатва или, может, жажда тут:
напиться и войти сюда отважиться,

чтоб дважды в реку,
свет одно дыхание,
и дождь идёт, измученный, израненный –
уже не дождь,
и пить не просит рот.
и крест не знает,
кто его несёт.

(из цикла «зверотравы»)

если будет война (я осталась на -й-
перед бездной звучащего -на)
по губам молочая пойми прочитай
чья замолчанная вина

если длится война
виноградный побег
самым первым ложится в снег

одуванчик взлетает не чуя ног
безголовый мученик
лёгок пух
санитар-подорожник помочь не смог
потому что лишился обеих рук

то есть листьев конечно
мой хвойный друг
лишь зелёная кровь вокруг

мне бы вровень с этой живой травой
и над мёртвой тише воды стоять
оттого что молчание не равно
нежеланию
вспоминать

и у мяты память ещё свежа
и крапивы язык – острие ножа
и дрожащий лист поглощает свет
выдыхает смерть

VIII. бес-телесное

*Дано мне тело - что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?*

Осип Манделъштам

1.
если ты в лицо моё заглянешь
кто посмотрит на тебя в ответ?

это лист
от края до безкрая
все прожилки протянул во свет

это тьма которая – ученье
опалила насквозь
продыша...
если это зрение созреет –
из него проклюнется душа

2.
а потом он поднял голову
с пола поднял и пошёл
посмотри на тело голое
не прикрытое душой

как несёт внутри дыхание
оттиск ветра копирайт
смерть несёт
она заранее
не привыкла умирать

3.
если вода в тебе говорит о том
что она чувствует перед самым глотком
перед прыжком в неизвестное
в пропасть рта
где ни плеска ни шелеста –
глухота

ты ей скажи что видишь когда глядишь
в око другого
в котором таитсямышь
та что бежала и хвостиком
круть да верть –
и опрокинула в небо земную твердь

4.
и если тебе почудится в этом босх
бредущий по пустоте
совершенно бос
и руки его пусты (но читай – листы)
и воду с его лица не тебе испить

попробуй представить
что там на затылке – бог
идёт в пустоте
и она избегает ног
касаться но тянется следом
и сом скулит
и нос её перепачкан в какой-то -ви

отсюда неясно – лю- или может кро-
отсюда ни зги
ничего не известно кроме
того
что свет коснувшись моей ладони
сначала был отражён от твоей руки

5.
вымолчанный
и вымученный в муке
перетёртых до звука согласных
жил на расстоянии руки
и в перекрестье глаз

но

говор одуванчиковый созрел
выпустишь – улетит он
телом ли станет бесчисленный чистотел
воздухом перелитым?

кто прорастает сквозь не мои глаза
чтобы глядеть – в твои ли?

вечность-другую тому сказал
а слышится и доньне
имя-не имя
но изначальный звук
слухом его улавливать не умея
я погружаю руки
ещё не имея рук
я размыкаю губы
ещё не имея губ

дудочку подношу
выдуваю тело

иудивление

и если устье и уста ундины
едины
то скажи мне для чего
ты вылепил меня из этой глины
и воздуха живое существо
непойманное для чего вложил ты?
не вор но опалима купина
горит горит на голове пол жизни
а шапка – куплена
и полон удивлением удушьем
русалочьим изгибом буквы у
иуда улыбается и слушает
посмертно загустевшую смолу
чтоб вещное развешивать на плечики
и тело примерять с чьего плеча
мне кроме поцелуя дать им нечего
о как его изнанка горяча

XI. виноградный иоанн

1.
пока ты есть
пока ещё ты будешь
как виноградный иоанн на блюде
лежать – тысячеглав и золотист –
не преданный но проданный
покуда
в глаза твои глядят чтоб после съесть –
не человек но эхо
горький свист
неслышимый нигде
звучащий всюду

и этот звук
в сосуде из костей
и нежной плоти кажется слышной
когда не заперт в воздухе которым
ты дышишь саломея
глух и нем
лежащий безголово

вместе с тем
налито соком и весомо слово
немеющее на его губе
и видимое –
одной тебе

2.
тело ограничено душой
как же ты до этого дошёл/
шла корнями вверх
ветвями вглубь
эту бездну не перевернуть

разве что пройти её до дна
между родин родинка видна
и за тьмой пресветлой разливной
видно то что называлось мной –

то есть ничего

но виноград
смотрит так что остаётся взгляд
после жатвы в воздухе висеть
светом смерти
отрицая
смерть

3.
на теле воды горят водяные знаки
но жажда её оттого сильна
что изнутри её пальцы гладит
отраженная синева

и нет ничего бессмысленнее и проще
чем виноград несущий своих щенков
полные гроздья
на рыночную площадь –
зеленоглазых и
некрещёных ещё

и этой воды
язычницы полукровки
огромное тело распято внутри тебя

внутри винограда
в котором ни света кроме
венозных слов
вскипающих на губах

Hieronymus

была ли здесь волглая темнота
была ли здесь иволга
налита
по горлышко узкое долгим о
где смерть вынимала моё нутро

чтоб пальцами в алое
чтоб не разлей вода
мне ливень летел как яблоко мимо рта
всем телом текучим выталкивая на свет
всё то чему в мире названий нет

и кто-то стоял по жабры в тугой тоске
огромной ракушкой на песке
неслышимым ухом где звуки горят внутри
где жизнь моя иволга
ивовой же кости

и вот по весне выплывает протяжный звук
из плоти шершавой
из мёрзлых рук —
не птица но древо пернатое до корней
живее всех мёртвых
румянее и белей

и нет никакого зеркала
из пустот
о чём-то своём бормочет безумный рот
и добрый босх склоняется надо мной
и пишет свет
до его разделения с темнотой

сон кувшинки, снящийся мне

1.
как разучиться взгляду,
вымолчаться до речи?
терпкого винограда
смуглые зреют плечи
так далеко, что рядом
даже коснуться нечем —
горьким своим,
огромным,
бесчеловечным.

что за словами длится,
не оставляя следа?
если на наших лицах
плещется слепок света,
словно вода в копытце —
так тяжело и слепо...

выпей до дна, мой братец,
видится после смерти —
жизнь прошла незаметно,
жизнь была
не за этим.

2.
кувшинку на воде зовут мне,
качается под музыку извне
огромного невидимого сада.
ей света нет —
и большего не надо.

кувшинка превращается в кувшин,
шипящий выдох, проверяй жи-ши,
дыши и виноград неси в ладонях —
он стал вином,
он сам себя не помнит.

но помню я, и голос невесом,
и жизнь течёт под веками, как сон,
под каменными плотными веками —
течёт-течёт,
себя перетекает.

И человек — качание и свет,
И воздух в лепестках, которых нет,
И — сущего простой однофамилец,
И сон кувшинки,
Что мне приснилась.